

Анкета

Русская литература и империализм

В течение последнего года проблема связей русской литературы и империализма обрела болезненную и пугающую актуальность. Естественным образом в публичном пространстве развернулась активная дискуссия на эту тему. В научной литературе эта проблема обсуждается по меньшей мере с 1994 года — с момента публикации книги Сьюзен Лейтон, посвященной описанию Кавказской войны в литературе¹. Редакции «Нового литературного обозрения» представляется, что опыт научного исследования связей литературы и империализма мог бы оказаться полезным для современной дискуссии, а научное сообщество не должно оставаться в стороне от обсуждения этих вопросов. Мы обратились к нескольким известным исследователям, знакомым с этой проблематикой, и предложили им вопросы, связанные со значением категории империи для изучения литературы. Мы не ожидали от наших респондентов схожего подхода к проблеме: присланные ответы демонстрируют, что возможны самые разные точки зрения. Тем не менее нам хотелось бы продемонстрировать, что «имперский» характер тех или иных произведений можно обсуждать не для того, чтобы выносить однозначные оценочные суждения по поводу их авторов, а в качестве аналитической категории, позволяющей описать сложные отношения между литературой и властью, стратегии репрезентации национального, этнического и религиозного многообразия России на разных этапах ее истории и многое другое. Мы планируем продолжить публикацию ответов в следующих номерах и приглашаем исследователей к полемике.

1 *Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge UP, 1994.*

Марк Липовецкий (*Колумбийский университет, Нью-Йорк*).

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем — помешать изучению литературы и ее прошлого?

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Как и редакция НЛО, я тоже думаю, что русистам следует сосредоточиться именно на деимпериализации, оставив деколонизацию коллегам, специализирующимся по культурам и литературам, находившимся в сфере российского и русского влияния. Дело не в том, что «литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй». Нет, наверное, не отличается (непонятно, по каким критериям сравнивать). Дело скорее в том, что «деимпериализация» исследований истории британской и французской литератур началась еще в 1960-е годы, а к XXI веку была благополучно закреплена в учебных планах и штатных расписаниях университетов и колледжей. В руссофонной культуре — как в России, так и в меньшей степени на Западе — этот процесс был скомпрометирован его советской версией² и ошибочно отброшен как тупиловый (похоже на то, что происходило с феминизмом). В результате в большинстве случаев (есть, разумеется, важные исключения³), до известных событий, эта *оптика* была отключена в русистике, за что и приходится теперь расплачиваться.

Как я понимаю характеристику «имперский» по отношению к произведению? По-моему, это достаточно самоочевидно. Имперскость как дискурс предполагает ряд бинарных оппозиций, прежде всего между метрополией и колонией; центром и периферией; главенствующей (развитой) культурой/цивилизацией и «дикостью» (природой, естественностью, невинностью, наивностью и т.п.); в конечном счете между русским и нерусским — это самые элементарные характеристики. Но, как и во всякой бинарной оппозиции, один из членов всегда привилегирован. В имперской культуре это, разумеется, всегда

2 О противоречивости советской империи написано предостаточно — в качестве наиболее свежего обобщения отсылаю к точной статье: *Калинин И., Смола К.* Империя постколониальных ситуаций: логики (холодной) войны // Новое литературное обозрение. 2022. № 178. С. 251–272. См. также спецвыпуски журнала (2020. № 161 и 166) «Постсоветское как постколониальное».

3 См., например: *Harsha Ram.* The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006.

метрополия, центр, понимаемые как источник культуры и цивилизации, Россия и все русское. (В постколониальной — все наоборот. А вот как в постимперской — это вопрос, требующий серьезного исследования⁴.) Так что произведения, в которых эти оппозиции акцентированы или играют структурную роль, вполне заслуживают того, чтобы быть охарактеризованы как имперские. При ближайшем рассмотрении выясняется, что в классической русской литературе таких произведений не так уж и много, зато канон соцреализма — при всей декларативной антиколониальности советского дискурса — практически целиком состоит из таких текстов.

Но справедливо ли будет определять «Три сестры» как имперский текст на основании тоски героинь по имперскому центру? Наверное, более продуктивно читать эту пьесу как репрезентацию кризиса интеллигентского сознания, парализованного имперскими комплексами. Как, впрочем, и «Петербург» Белого, в котором оппозиция между имперским центром и опасной, хаотической периферией поворачивается разными сторонами и переливается с безумием как Аполлона Аполлоновича, так и Дудкина, и Николая Аполлоновича. Короче говоря, анализ имперского дискурса, его репрезентации и деконструкции, кажется небесполезным и, во всяком случае, не обедняющим, а обогащающим понимание модернистской классики.

«Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?» Я бы сформулировал этот вопрос несколько иначе: может ли деконструкция имперского дискурса быть непоследовательной? Достаточно сравнить, скажем, «Капитанскую дочку», «Бэлу», «Казачков» и «Хаджи-Мурата». Везде имперский дискурс (имперские оппозиции) так или иначе проблематизируются. Но последовательность и глубина этих проблематизаций далеко не одинакова.

Важно, конечно, иметь в виду, что в русской культуре структура имперского дискурса усложняется взаимоналожением внутренней и внешней колонизации, как это было показано А. Эткиндо⁵. Особенно этот процесс сложен в советское время. Приведу простой пример: так называемая деревенская проза возникает в 1960-е годы как литературный дискурс (и движение), направленный против внутренней колонизации. В ней можно обнаружить все черты постколониального дискурса — возвращение субъектности субалтерну, переворачивание имперских бинарностей, субверсивная мимикрия властных дискурсов и т.п. Но деревенская проза довольно скоро, наследуя позднесталинскому шовинизму, делает символом «внутреннего колонизатора» еврея и плавно соединяет постколониальный пафос с этноцентрическим национализмом, порождающим, в свою очередь, новые (современные) имперские фантазии о «русской цивилизации» и ее глобальном превосходстве.

«Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы?» Самое очевидный отпечаток империи — централизация. Львиная доля

4 См.: *Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment // Ab Imperio. 2013. № 2. P. 97–135.* См. также: Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России / Под ред. Д. Уффельманна, А. Эткинда и И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012; *Tlostanova M. Postcolonialism and Postsocialism in Fiction and Art: Resistance and Re-existence.* New York: Palgrave, 2017.

5 См.: *Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России.* М.: Новое литературное обозрение, 2014.

произведений, ассоциируемых с русскоязычным канонem, создана либо в Петербурге и Москве, либо писателями, чья жизнь неотделима от Петербурга и Москвы. Расширение литературной географии — в сторону провинции и так называемых (сугубо имперская терминология!) национальных окраин, а также диаспоры — это один путь.

Другой путь — это создание истории, прослеживающей осмысление русофонной литературой на российской, а затем советской империи и ее дискурсов. Это, конечно, будет также история попыток деконструкции имперского дискурса вообще и дискурса великой русской литературы в частности. Попыток (как правило, очень противоречивых), идущих как из центра, так и со стороны культур, находящихся под контролем имперского центра. Такой подход заставит (уже заставил) по-новому прочитать не только «Джан» Платонова, но и Павла Зальцмана, и Юрия Домбровского (особенно «Хранитель древностей»), и Фридриха Горенштейна, и Геннадия Айги. Хочу подчеркнуть, что эти имена — только знаки тенденций, которые они наиболее внятно выразили. Большой вопрос — не только литературоведческий, но и политический — касается тех фигур в национальных литературах СССР, которые играли серьезную роль в общесоюзном масштабе и писали как минимум на двух языках, — например, Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Юрия Рытхэу, Василия Быкова, братьев Ибрагимбековых, Акрама Айлисли и других важных писателей позднесоветской эпохи (в некоторых случаях и постсоветской тоже). Постсоветские реакции на империю и имперскость, в диапазоне от Александра Гольдштейна до Дениса Осокина, Алексея Иванова, Гузели Яхиной и Алисы Ганиевой (опять-таки упоминаю эти имена как эмблемы довольно широких тенденций) уже хорошо известны и часто становятся предметом дельных исследований, хотя, конечно, в контексте истории деконструкции дискурса российской империи эта литература может быть понята гораздо глубже.

Мария Майофис, Илья Кукулин (*Амхерст Колледж*)⁶

Если позволите, имеет смысл начать ответ с анализа использованного Вами понятия «имперский». Оно предполагает, что если произведение искусства является «имперским», то это плохо, и наследие «имперства» в культуре нужно рефлексировать и прорабатывать, потому что именно это наследие способствовало насильственным действиям (войны, депортации, репрессии), которые советское, а потом и российское руководство регулярно осуществляло в второй половине XX и в XXI веке, и в целом экспансионистской политике СССР и России.

Мы предполагаем, что этот термин используется слишком расширительно. Отказываясь от сверхгенерализации «имперскости», мы исходим из предположения о том, что российское общественное сознание находится в глубоком кризисе и что в русской культуре есть агрессивные и экспансионистские тенденции, влияющие на это сознание, — отчасти они перечислены выше. Но если мы хотим действительно отрефлексировать эти тенденции, чтобы создать возможность их прояснения и преодоления — нам нужен гораздо более тонкий и проработанный концептуальный аппарат.

6 Благодарим Александра Семенова за плодотворное обсуждение этого текста.

Слово «имперский» происходит от слова «империя», а у этого слова есть минимум три разных значения. Первое: империя — это империалистическое государство, то есть осуществляющее внешнюю экспансию, прежде всего с помощью военной силы. В современном политическом сознании такая политика оценивается как аморальная и нарушающая нормы международного права. Сегодня понятие империализма почти синонимично понятию колониализма. Второе: империя — государство или территория, где сосуществуют разные этнокультурные или религиозные группы, находящиеся в сложных иерархических отношениях. В случае, например, Российской империи к этому добавляется централизованная власть, которая берется регулировать отношения между этими группами по своему усмотрению — в том числе и с помощью прямого насилия. Наши коллеги из журнала «Ab Imperio» предлагают ввести понятие «имперской ситуации», которое подразумевает «многоплановое разнообразие, не вмещающееся в простые классификации. <...> <В такой ситуации> каждое явление существует одновременно в нескольких измерениях, и воздействие на одно из них часто приводит к непредсказуемым последствиям в других»⁷. Применительно к истории России это может значить, например, что в XVIII веке «распространение авторитарной власти императора не смогло подавить местные очаги самоорганизации и структурные условия, питавшие эти очаги»⁸. Таким образом, термин «имперский» в этом случае не является морально оценочным — он аналитический. Более того, в новой статье редактор журнала Илья Герасимов понимает этот термин даже скорее в положительном смысле, предлагая его использовать для анализа эволюции обществ после кризиса концепции национального государства, то есть в современную эпоху⁹.

Третье значение: империя — государство, которое само себя так называет. Когда по-английски говорят Imperial Russia (в отличие, скажем, от Soviet Russia) — имеется в виду Россия того периода, когда она называлась Российской империей. В англоязычных научных книгах можно встретить такие выражения, как «русская литература имперского периода». Это выражение, очевидно, тоже является безоценочным.

Слово «имперский» можно тоже понимать в трех значениях, соответственно значениям «империи» — но применительно к русской литературе сегодня используется только первое: «имперский» в смысле «империалистический». Это уже создает некоторую путаницу, потому что «имперский» может указывать и на те свойства литературы, которые обусловлены именно разнообразием культур, а не территориальной экспансией. Слово «имперский» не синонимично и слову «колониальный», потому что колониализм предполагает экономическую эксплуатацию колонии со стороны метрополии и, как уже неоднократно писали постколониальные теоретики, создает бинарную оппозицию колонизатора и колонизируемого — в империи же экономические отношения могут не основываться на однонаправленной эксплуатации, а власт-

7 Новая имперская история Северной Евразии: В 2 ч. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII—XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 111.

8 Там же. С. 133.

9 *Gerasimov I. The Russian imperial situation: before and after the nation-state // Ab Imperio. 2022. № 4. P. 31—59* (см. особенно финал статьи).

ные отношения — быть намного более сложными, чем допускает бинарная оппозиция¹⁰.

Сегодня в спорах о русской культуре слово «имперский» не только означает «империалистический», но часто ассоциативно соединяется с качествами литературных произведений, прямо не связанных ни с империализмом, ни даже с «имперской ситуацией». Участники споров могут иметь в виду и ограниченность культурного кругозора — то есть отсутствие интереса к большинству культур, помимо крупных стран Запада; и связанное с этим нежелание принимать во внимание «собственный Восток» России, понимаемый не столько географически, сколько культурно (например, здесь могут иметься в виду этнические группы, исповедующие ислам или буддизм); и равнодушие к региональному культурному разнообразию со стороны политических элит и массового потребителя литературной продукции; и общий консерватизм, свойственный советской культуре начиная с конца 1930-х годов, а до этого — культуре Российской империи; и подчиненность человека государству, и в целом культ сильного государства; и уверенность во всемирной миссии русской литературы... Но если вкладывать в «имперскость» сразу все эти значения, термин перестает быть содержательным. От него лучше или вообще отказаться при разговоре о русской литературе, или, используя его, всякий раз объяснять, что мы имеем в виду. Иначе «имперскость» превратится в эссенциалистский ярлык, указывающий на то, что русская культура якобы в целом «безнадёжно отравлена».

В недавнее время разработано, кажется, уже несколько конкурирующих проектов по постколониальному и деколониальному чтению русской литературы — и этот подход представляется нам более перспективным, чем ссылки на обобщенную «имперскость», — потому, что он предусматривает не вынесение заранее известного приговора, а интеллектуальную рефлексию с непредetermined финалом.

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Давайте говорить именно о русской литературе. В значительной степени империалистические мотивы в ней подчеркнуты и выдвинуты на первый план не потому, что они находятся на первом плане самих этих произведений, а из-за того, как они вписаны в национальный канон. Эва Томпсон вводит понятие «текстуальной империи», которая в русской литературе начинается с «Истории государства Российского» Карамзина¹¹; это — совокупность канонических текстов, репрезентирующих Россию как экспансионистское и современное государство, разорвавшее со своим патриархальным прошлым. То или иное про-

10 О различных типах империи см.: *Burbank J., Cooper F. Empires In World History: Power and the Politics of Difference.* Princeton; Oxford: Princeton UP, 2010. Об определении России и СССР как империи см.: *Бейссингер М. Переосмысление империи после распада Советского Союза / Пер. с англ. М. Лоскутовой // Ab Imperio. 2005. № 3. С. 35—88.*

11 *Thompson E. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism.* Westport, Conn.: Greenwood Press, 2000.

изведение, включенное в состав «текстуальной империи», приобретает в ее контексте новый смысл. Однако и каждое из этих произведений в отдельности, и репрезентация военной экспансии в русской литературе в целом могут быть прочитаны и иначе. В одной из первопроходческих работ по обсуждаемой нами теме — в книге Сьюзан Лейтон «Русская литература и империя: Завоевание Кавказа от Пушкина до Толстого» (1994) — показано, что русские писатели часто относились к военным действиям на Кавказе амбивалентно, одновременно принимая их как неизбежность и изображая горцев как «благородных дикарей, истребление которых нет никаких оснований прославлять»¹².

Поэтому, конечно, если прояснять термины, которыми мы пользуемся, литературные произведения могут быть одновременно и «имперскими», и «неимперскими». В каноне, несомненно, есть произведения, в которых империалистические мотивы являются главными и очевидными — например, «Клеветникам России» Пушкина. Однако его же — Пушкина — «Капитанская дочка» — повесть, основанная на художественном анализе имперской ситуации: в ней показано разнообразие групп, входящих в Российскую империю, и очень большая социальная и культурная сложность конфликтов в имперском государстве¹³. В эти конфликты вовлекаются разные люди с разными мотивами. «Очарованный странник» Николая Лескова или «Хаджи-Мурат» Льва Толстого тоже основаны на художественном анализе имперской ситуации и поэтому могут быть названы произведениями имперскими, но апологии империализма в них нет. Более того, «Хаджи-Мурат» чрезвычайно жестко оценивает политику государственной власти в отношении чеченцев и вообще народов Северного Кавказа (второе значение слова «имперский»), и в этом смысле повесть Толстого — произведение антиимперское и — более того — антиимпериалистическое.

Другое дело, что во многих произведениях русской литературы XIX века, направленных на анализ имперской ситуации, имперская экспансия и подчинение других народов представлены как неизбежные процессы, почти как закон природы¹⁴. Вот эта «неотменимость» империи — то, что до недавнего времени, примерно до 1990-х годов, находилось в «слепой зоне» гуманитарного знания.

На формирование современного российского сознания оказало влияние прежде всего позднесоветское подцензурное искусство — бесконечные эпопеи «секретарской литературы» (Анатолий Иванов, Петр Проскурин и другие) и снятые по ним телесериалы, которые демонстрируются российскими телекомпаниями и сегодня — а также и более поздние сериалы, продолжающие эстетику позднесоветских «семейных саг»¹⁵. В этих опусах нет явной апологии

12 *Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge UP, 1994. P. I.*

13 См. об этом, например: *Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.*

14 Как следует из книги Лейтон, это не означает, что все авторы безусловно поддерживают такую экспансию — достаточно вспомнить произведения, прославляющие свободолюбие кавказских горцев. Очевидный пример — поэмы М. Лермонтова «Измаил-Бей» и «Мцыри».

15 Об эволюции постсоветских исторических сериалов см., например: *Дубин Б. Старое и новое в трех телекранизациях 2005 года // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 273—277.*

имперско-колониальных порядков, но есть ощутимые мотивы русского национализма и нормализации сталинизма, то есть представление периода правления Сталина как «трудного, но плодотворного» для СССР. Эти тексты предполагают, что культура в СССР и в России везде примерно одинакова, только деревенская отличается от городской, и разнообразие культур России имеет минимальное значение. Если говорить о том, какие произведения искусства больше всего повлияли на нынешнее состояние умов в России, имеет смысл обратить внимание на продукцию позднесоветской массовой культуры. Именно они и влияли и продолжают в наибольшей степени влиять на общество — через переиздания и телевизионные трансляции.

Напомним о теории культивации, которую выдвинул в 1970-е — 1980-е годы американский исследователь медиа Джордж Гербнер: если по телевизору будут изо дня в день показывать в основном белых мужчин, меньше — женщин и совсем редко — чернокожих, белые мужчины будут восприниматься телезрителями как самая важная группа общества, и это положение они будут считать «естественным»¹⁶. Тиражирование литературных произведений имперского и советского периодов, их экранизации и демонстрация фильмов и сериалов по телевидению вполне может быть изучена методами Гербнера — точнее, его современных продолжателей. Вероятно, именно таким способом можно выяснить, как упрощающая и «государственническая» версия канона влияет на представления о социально-политической реальности.

Сегодня российская армия восстанавливает памятники Ленину на контролируемой ею территории Украины, а российские гражданские администраторы распространяют там же учебники русской литературы с текстами канонизированных авторов, как если бы они тоже верили в свою «цивилизаторскую» миссию, — однако за такой политикой стоят не специфические свойства русской литературы, а *отношение российских политических и военных элит к литературе и в целом к культуре как к монополю собственности государства*. Необходимо анализировать не только сам канон, в том числе и с точки зрения «текстуальной империи», но и это циничное использование русской литературы: она здесь используется для «культурной» легитимации агрессии¹⁷.

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем — помешать изучению литературы и ее прошлого?

Безусловно, категориальный аппарат исследований империи может помочь изучению литературы, тем более русской, которая пока что в очень слабой степени исследована с этой точки зрения. Тут стоит оговорить, что «исследования империи» могут быть осуществлены в разных дисциплинарных полях — новой имперской истории, постколониальных и деколониальных исследований, со-

16 Из многочисленных работ на эту тему см., например: *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelly N. Living with Television: The Dynamics of the Cultivation Process // Perspectives on Media Effects / Ed. by J. Bryant, D. Zillman. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. P. 17—40; Gerbner G. Cultivation Analysis: An Overview // Mass Communication and Society. 1998. Vol. 1. № 3—4. P. 175—194.*

17 О методах социально-психологической легитимации агрессии в современных русских медиа см.: *Майофис М., Кукулин И. Эмпрессия вместо идеологии // Перед лицом катастрофы / Под ред. Н. Плотникова. Берлин: Lit Verlag, 2023. С. 35—46.*

циальной теории (если вспомнить, например, работы Майкла Хардта и Антонио Негри¹⁸), наконец, исследований по социально-политической истории, обращенных к проблематике истории империи. Помешать же этот аппарат может только в случае, если не рефлексировать границы применимости подходов, выработанных в каждой из этих областей, или подменять аналитику — наклеиванием на литературные произведения политических ярлыков.

Политическую мифологию империи сегодня необходимо не клеймить, а деконструировать, то есть — если упрощенно излагать концепцию Жака Деррида — анализировать ее ментальные основания. Если просто говорить, что империя — это плохо и опасно, мы рискуем повторять до бесконечности аргументацию сторонников национального государства, которые боролись в XIX—XX веках за независимость от тогдашних империй — но в сегодняшнем мире уже и национальное государство вместе с идеей национализма постепенно выглядит столь же устаревшим, как и империя. Мы вступаем в эпоху постнациональных государств, участвующих в глобальном обмене товарами и информацией¹⁹.

Сегодня, когда мы говорим о политических аспектах литературы, очень важно помнить мысль, которую высказал Герберт Маркузе: «Политический потенциал искусства содержится только в его эстетических аспектах. Связь искусства с практикой неизбежно является косвенной и опосредованной; она может даже разочаровывать»²⁰. Иначе говоря, мотивы поддержки государственного экспансионизма или противостояния ему в том или другом произведении могут быть поняты только через его эстетический анализ, производимый с учетом широкого культурного, социального и политического контекста. Авторская позиция часто может быть понята только на пересечении точек зрения разных персонажей и даже, как показал в своих работах Вольфганг Изер, из умолчаний, отсутствующих позиций и «пропущенных» точек зрения. Эти герменевтические стратегии сохраняют свое значение и при анализе литературы с постимперской точки зрения²¹.

Если согласиться с тем, что политический меседж литературного произведения может быть понят только через анализ его эстетических особенностей,

18 Хардт М., Негри А.: 1) Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004; 2) Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006.

19 Подробнее см., например: Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007.

20 Marcuse G. The Aesthetic Dimension: Toward the Critique of Marxist Aesthetics / Transl. from German by G. Marcuse and E. Sherover. Boston: Beacon Press, 1978. P. XII—XIII (название немецкого оригинала: «Die Permanenz der Kunst: Wider eine bestimmte Marxistische Aesthetik»). Пер. с англ. наш. — М.М., И.К.

21 Маркузеанская интерпретация позволяет разрешить антиномии, описанную в эссе: Наринская А. Между вивисекцией и поклонением. Зачем нужен деколониальный взгляд на русскую литературу // Сайт Института Карнеги. 2023. 24 марта (<https://carnegieendowment.org/politika/89337?fbclid=IwAR3JHQCSEFd05XmTOEViYls7kqXWХbСМJ6zBWU7486Hw1VLVA-oWXhou4a6g>). Наринская противопоставляет восходящий к советским диссидентам взгляд на литературу как на чистое искусство — и характерный для современных дебатов на Западе взгляд на литературу как артикуляцию прежде всего «политической повестки». На наш взгляд, эстетический анализ литературного произведения не может быть отделен от политического и этического.

то станет возможным изучить, как мотивы государственной экспансии взаимодействуют с другими аспектами произведения. Очень интересный пример здесь — новейшая работа Александра Долинина о пушкинском «Путешествии в Арзрум». Долинин утверждает в начале книги, что не обращается к постколониальной методологии:

Пушкин видит и описывает чужой мир не политически, а эстетически, и потому к «Путешествию в Арзрум» неприменимы лекала, выработанные постколониальной критикой... <...> ...осмелюсь утверждать, что для пушкинского травелога легко вычитываемая из него имперская и колониалистская составляющая — дело десятое, и потому в дальнейшем ей будет уделено не очень много внимания²².

Тем не менее об «имперской» и вообще о политической составляющей и самого «Путешествия», и написанных на Кавказе стихотворений в книге все же сказано достаточно много. Однако Долинин связывает «Путешествие в Арзрум» сразу с целым рядом культурных контекстов — в частности, с эстетикой аллегорических описаний духовного странствия; одновременно он показывает, что Пушкин пародирует романтические травелоги. Если приравнивать постколониальное чтение просто к разоблачению интересов агрессивного государства, стоящих за тем или иным литературным произведением, то метод Долинина, безусловно, не таков; но если считать, что постколониальное и «постимперское» чтение направлены на анализ того, как мотивы колониальной экспансии и участия в ней героев и повествователя соотносятся с другими контекстами и уровнями произведения, — то новая книга о «Путешествии в Арзрум» реализует именно такую стратегию.

В контексте заданных Вами вопросов представляется не случайным, что «Путешествие по “Путешествию в Арзрум”» появилось практически одновременно с новым циклом стихотворений Андрея Сен-Сенькова «Пушкинематограф»: в нем и мифологизированная в русской культуре фигура Пушкина, и его творчество тоже оказываются включены в новые и неожиданные контексты. Правда, у Долинина эти контексты связаны с историей, а у Сен-Сенькова — с фантастикой, позволяющей превратить Пушкина в современного поэта, затерянного в городе²³. В его стихотворениях Пушкин оказывается не героем или титаном, а психоделическим экспериментатором, а его творчество переписывается как приватное, лишенное связи с государственными амбициями, но именно поэтому преодолевающее границы реальности:

пушкин подбирает на улице грязные слова
уродцев деревянного петербурга

чистит их
сушит

подкрашивает кисточкой трещинки и суфффиксы

22 Долинин А.А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум»? М.: Новое издательство, 2023. С. 13–14.

23 Не случайно тексты «Пушкинематографа» Сен-Сеньков публиковал в социальных сетях вперемешку со своими переводами из современного американского поэта Рона Паджетта (р. 1942). Герой фильма Джима Джармуша «Патерсон» (2017) — талантливый, но никому не известный поэт, отказывающийся от публикаций (он работает водителем автобуса), — «сочиняет» именно стихи Паджетта.

решает переименовать
 дав им имена знаменитых кастратов
 матеуччо николино фаринелли
 сенезино кортона джидзиелло кузанино²⁴

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Не вполне понятно, как можно измерить, у какой литературы «имперский характер» сильнее, а у какой — слабее. О чем тут идет речь — о выраженности мотивов экспансии и гегемонии? Или, наоборот, о восприятии государственной гегемонии как естественной и необсуждаемой, превращающейся в «подтекст» всего описываемого в произведении? В зависимости от того, какой вопрос имеется в виду, ответы тоже будут разными — но, разумеется, еще это зависит от исторического периода и от множества других ограничений.

В русской литературе, как справедливо пишет Александр Эткинд, уже с конца XVIII века присутствовали не только экспансионистские, но и аболиционистские и антиколониальные тенденции²⁵ — тут можно вспомнить как минимум Александра Радищева, позже — Александра Одоевского, приветствовавшего польское восстание 1831 года (стихотворение «Недвижимо, как мертвые в гробах...»), Александра Герцена... Поэтому нет особых оснований считать русскую литературу особенно империалистической или исполненной спеси по отношению к другим народам и культурам — если имеется в виду именно это. Дело скорее в другом: империалистические и экспансионистские мотивы в русской культуре отрефлексированы очень слабо, и работа эта началась недавно — большей частью после краха советского режима. В других же литературах европейских держав, в прошлом владевших колониальными империями, такая рефлексия началась уже довольно давно — примерно 50–60 лет назад. Один из самых шумевших текстов, направленных на антиколониальное перечтение британской литературы — эссе Чинуа Ачебе о скрытом расизме в романе Джорджа Конрада «Сердце тьмы» — основано на лекции, прочитанной еще в 1975 году²⁶. Уже тогда эта работа Ачебе вызвала бурную полемику — и только после и в результате последовавших обсуждений стали возможны такие высказывания, как эссе писательницы Кэрил Филипс, которая открыто не согласилась с Ачебе и отказалась считать Конрада расистом — признавая при этом значительность работы Ачебе как писателя²⁷.

Сегодня необходимо признать, с одной стороны, что Российское государство на протяжении последних нескольких веков регулярно вело захватнические войны и что эти войны оказали существенное влияние на российскую культуру; с другой — что литература часто (но далеко не всегда) поддержива-

24 Цит. по авторской рукописи. Благодарим А. Сен-Сенькова за разрешение привести его неопубликованный текст.

25 Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

26 Achebe Ch. An Image of Africa: Racism in Conrad's *Heart of Darkness* // Massachusetts Review. 1977. Vol. 18. No 4. P. 782–794.

27 Phillips C. Out of Africa // The Guardian. 2003. February 22 (<https://www.theguardian.com/books/2003/feb/22/classics.chinuaachebe>).

ет государство в его политических устремлениях и мессианских амбициях; с третьей — что именно литература может стать пространством рефлексии этого положения как аномального и требующего исправления.

Впрочем, когда мы говорим, что колониальные и империалистические мотивы и имперское наследие в русской культуре отрефлексированы мало, — это не значит, что они не отрефлексированы вообще. Работа по постколониальному и «имперско-историческому» прочтению русской литературы и культуры началась уже довольно давно — задолго до нынешних дискуссий²⁸. Журнал «Новое литературное обозрение» в 2020 году издал два специальных номера «Постсоветское как постколониальное» (№ 161 и 166). С началом нынешних катастрофических событий эта многолетняя работа оказалась отчасти полузабыта, и дискуссии об империалистических или колониальных аспектах русской литературы начались словно бы с чистого листа. Это психологически понятно, но, учитывая контекст, в котором развивались подходы к изучению империй и литературы империй в последние годы, довольно огорчительно. Сегодня было бы важно, чтобы уже существующие работы по «постимперскому» прочтению не только русской литературы, но и других литератур России и бывшего Советского Союза оказались учтены в новейших дискуссиях с участием литературных критиков и публицистов.

Кажется, единственные, кто думал и продолжает систематически работать над «продвижением» постколониальных интерпретаций в российском публичном пространстве, — команда интернет-проекта «Беда» (<https://www.beda.media/>). Но их усилий явно недостаточно. Кроме того, вообще не были созданы каналы для адаптации новых прочтений русской литературы в школьном и университетском образовании. На следующем историческом этапе их будет необходимо создавать заново.

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

28 *Thompson E.* Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism; *Kujundzic D.* “After”: Russian Post-Colonial Identity // *Modern Language Notes (MLN)*. 2000. December. Vol. 115. № 5. P. 892—908 (рус. пер. И. Борисовой: *Куюнжич Д.* «После»: Российская постколониальная идентичность // *Куюнжич Д.* Воспаление языка / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 2003. С. 237—250); *Moore D.Ch.* Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*. 2001. January. Vol. 116. № 1. P. 111—128 особ. (р. 123—124); материалы обсуждения, представленные на ежегодной конференции Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских литератур 29 декабря 2005 года (Вашингтон, округ Колумбия, США): *Are We Postcolonial? Post-Soviet Space* // *PMLA*. 2006. May. Vol. 121. № 3. P. 828—836 [в обсуждении принимали участие Гаятри Ч. Спивак, Нэнси Конди, Харша Рам и Виталий Чернецкий]; *Ram H.* The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. University of Wisconsin Press, 2006; «Sub Altera Specie»: взгляд на постколониальную парадигму изнутри российской/советской истории [участвуют: Сергей Абашин, Эдриенн Эдгар, Сося Люрманн, Елена Гапова] // *Ab Imperio*. 2008. № 2; *Kirschbaum H.* Im intertextuellen Schlangennest: Adam Mickiewicz und polnisch-russisches (anti-)imperiales Schreiben. Peter Lang, 2016; и др.

Так как на первую часть этого вопроса мы уже, кажется, ответили, начнем отвечать сразу со второй — «Что осталось за пределами канона...» Прежде всего, из него оказались исключены произведения, делающие видимым каждодневное насилие, положенное в основу имперской экспансии. Элеонора Шафранская очень убедительно анализирует посмертную репутацию писателя и художника Николая Каразина (1842—1909). Он был очень известен в 1870-е годы и позже, много писал о российском завоевании Средней Азии, в 1905 году вышло собрание его сочинений в двадцати томах — но в XX веке его произведения оказались вытеснены из истории русской литературы²⁹. Каразин слишком подробно и натуралистически описывал, как российская армия захватывала Среднюю Азию и контролировала ее народы, и в результате получалась настоящая колониальная проза, как у Киплинга. Такие произведения слишком «царапали глаз» тех советских писателей и чиновников, которые в XX веке «перекомпоновывали» канон, складывавшийся в XIX-м, и стремились показать, что все народы империи вошли в ее состав якобы добровольно. Каразин — видимо, самый заметный из таких авторов, но не единственный.

Важно понимать, что в истории России внешняя экспансия была тесно переплетена с государственными репрессиями против собственного населения. Эткинд говорит об авторах-революционерах, которые выступали против «внутренней колонизации» — от Радищева до Герцена и Огарева³⁰. К ряду авторов, которые хорошо понимали эту связь и критиковали империю именно за такую двойную экспансию, можно добавить как минимум Михаила Салтыкова-Щедрина с его сатирическим изображением «цивилизаторской миссии» империи в «Господах ташкентцах»³¹ и Николая Лескова с его инвективами против российского мессианства и чувства исключительности (пример — рассказ «Пламенная патриотка»).

Есть еще целый ряд даже не отдельных авторов, а стратегий, на которых основана критика государственного экспансионизма в российской литературе. Это могут быть произведения, основанные на анализе культурной гибридности и подрыве дихотомии «Восток — Запад» — от Андрея Платонова³² до Беллы Улановской (рассказ «Путешествие в Кашгар»). Говоря о Платонове, вообще имеет смысл помнить о том, что в литературе модернизма сосуществовали движения, ориентированные на национализм и на универсализм, всемирность. Модернистские движения в литературах СССР — в том числе и универсалистские — были насильственно подавлены в 1930-е годы³³; немногие из авторов-

29 *Шафранская Э.Ф.* «Каразин! Азия!» // Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / Подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525—596 (см. особ. с. 533 и след.). В СССР изредка републиковалась проза Каразина для детей — но не его романы о Средней Азии, которые принесли ему наибольшую известность и которые он, видимо, считал главным делом своей жизни.

30 *Эткинд А.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 103—124.

31 Анализ сатиры Щедрина в этом цикле очерков см., например: *Шафранская Э.Ф.* «Каразин! Азия!». С. 539.

32 Об очень своеобразном «ориентализме» этого автора см., например: *Скаков Н.* Пространства «Джана» Андрея Платонова // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 211—230.

33 *Кукулин И.* Русская литература во главе «младших братьев» (эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // Новое литературное обозрение. 2020. № 166. С. 414—429.

модернистов перешли в неподцензурную литературу, то есть отказались от надежды увидеть свои произведения в печати. Из таких модернистов-универсалистов и критиков государственного насилия в первую очередь имеет смысл назвать позднего Максимилиана Волошина (цикл поэм «Путями Каина») и Даниила Андреева («Железная мистерия»).

Еще один пласт литературы составляют произведения, которые написаны на русском языке, но акцентируют оптику другой, не русской культуры. Иначе говоря, гибридные по самому типу представленного в них самосознания — от Фазиля Искандера до Дениса Осокина (повесть «Овсянки», 2006).

Наконец, вообще эстетика неподцензурной словесности 1950—1980-х годов в значительной степени — хотя и не всегда — основана на дискурсивном сопротивлении государственному экспансионизму и его проявлениям в культуре: централизаторским тенденциям и отказу в признании Другого. Игорь Вишневецкий в одном из устных выступлений начала 2000-х предположил, что основой неподцензурной литературы стало миноритарное письмо, которое Жиль Делёз и Феликс Гваттари в книге «Кафка: за малую литературу» описали как способ подрывного использования литературного языка против тирании большинства; в этой же книге они предположили, что миноритарным письмом можно считать произведения Франца Кафки (пишущего по-немецки пражского еврея) и современных на тот момент (1975 год) афроамериканских писателей США.

Поэзия, критикующая военную экспансию «родного» государства, в позднем СССР и постсоветской России оказалась представлена прежде всего авторами, которые или принадлежали к неподцензурной литературе (Сергей Стратановский, Иван Ахметьев, Михаил Сухотин, Герман Лукомников...), или печатались в СССР с большим трудом (Ольга Постникова). Списки авторов антологии «Время “Ч”»³⁴ (стихотворения о чеченской войне) и «Поэзия последнего времени»³⁵ (о современных событиях) очень характерны: значительную их часть составляют поэты, эстетически связанные с традициями неподцензурной литературы. Безусловно, эта связь — неподцензурной литературы с антиэкспансионистскими мотивами — не жесткая, не стопроцентная, но она и не случайная.

Елена Чхаидзе (*Рурский университет, Бохум, Германия*)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Дефиниция «имперский» использовалась мной главным образом для определения развития и распространения литературной традиции. Политическое *превосходство* не было основным фокусом исследования. Я концентрирова-

34 Время «Ч». Стихи о Чечне и не только / Сост. Н. Винник. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

35 Поэзия последнего времени: Хроника / Сост. Ю. Левинг. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022.

лась на абстрактных гранях *широты и вовлеченности*. Отсюда и возникло понятие — *имперская литературная традиция*³⁶. В данном случае под *имперским* я понимаю объединение нескольких составляющих: 1) многолетнюю временную протяженность (в моем случае это был доимперский, имперский (досоветский), советский и постсоветский периоды); 2) широкое территориальное включение/распространение (здесь могут быть и не только русско-грузинские литсвязи, но и русско-украинские, русско-армянские и многие другие), то есть международный, многонациональный контекст; 3) заочность в одно профессиональное поле (например, литературное); 4) жизнеспособность и воспроизводимость *тем-паттернов* и *паттернов образов*. Доказательством *имперской литературной традиции* послужили русско-грузинские литературные связи.

Следы их зарождения отмечались уже в XV веке³⁷, задолго до вхождения грузинских княжеств под протекторат Российской империи. Но начиная с конца XVIII века, после подписания Георгиевского трактата (1783), начинает выстраиваться *русско-грузинская* или даже *русско-кавказская культурная империя*, так как Тифлис являлся культурно-административным центром Кавказского края / наместничества Российской империи. Ее активное расширение началось при графе Михаиле Семеновиче Воронцове (управлял краем с 1844 по 1854 год), глубоко убежденном в том, что завоевать территорию оружием недостаточно, следует завоевать и души людей. С началом *культурного империализма*³⁸ на Кавказе стали активно открываться учебные³⁹ заведения⁴⁰ и

36 Чхаидзе Е. Политика и литературная традиция: русско-грузинские литературные связи после Перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13.

37 Там же. С. 25—26.

38 Fanon F. Les damnés de la terre / Mit einem Vorwort von J.-P. Sartre. Paris: Maspéro, 1961.

39 До советского периода университетов на Кавказе не было. За высшим образованием молодые люди отправлялись либо в центральную часть Российской империи (Москву, Санкт-Петербург и т.д.), либо в Европу. С приходом большевиков были основаны университеты в Тбилиси, Ереване, Баку. В дореволюционной России существовало 105 высших учебных заведений, а в Закавказье был всего один вуз — Высшие женские курсы в Тбилиси, на которых учились 300 человек. В 1927—1928 году в Грузинской ССР было уже 6 вузов, в которых обучались 10 503 студента, а к 1959—1960 годам их было уже 51 100 человек (Басилая III. Сухумский государственный институт. Сухуми: Абгосиздат, 1962. С. 7).

40 Интересна история создания первой школы в Абхазии. Грузинский священник (будущий архимандрит) Иоанне Иоселиани внес свой проект правителю Абхазии об открытии приходской-церковной школы. В этой школе было предложено вести занятия на абхазском языке. Это предложение было одобрено правителем Абхазии, но российские власти отказали в этой инициативе. Спустя несколько лет, 30 мая 1851 года, Священный Синод Русской церкви принял решение об открытии абхазской богословской школы. За несколько месяцев до принятия этого решения, 15 апреля, будущий грузинский епископ Александре Окропиридзе был назначен руководителем учебного заведения, которое способствовало восстановлению христианства среди абхазов и организации богословского образования. 25 сентября 1852 года в селе Лыхны появляется школа (4 класса). Он преподавал юриспруденцию, русский язык, грузинский язык (гражданский и церковный), чистописание на русском языке, чистописание на грузинском языке, арифметику, русскую грамматику, грузинскую грамматику, песнопение, географию и упражнения на абхазском языке. Это был первый случай в истории преподавания абхазского языка.

объекты культуры⁴¹. Несмотря на *положительные действия*⁴², в литературе появляется критический взгляд на *колонизатора*, и именно литература становится местом проецирования конкурирующих идентичностей и представлений своей правды, своего восприятия окружающего, как в имперский, так и в советский и постсоветский периоды. На протяжении многих лет, включая и постсоветский период, в литературе грузинских и русских писателей повторялись одни и те же *темы-паттерны*: мессианская роль *колонизатора* / защита национальной идентичности *колонизованного*, тема рая в отношении экзотических территорий / тема покорения сильным, тема восточной красавицы / тема благородного *покорителя* и т.д. Несмотря на то что литературные произведения противоположны по тематике, все равно они относятся к *имперскому контексту*, так как полем порождения является *империя*.

Ставшие в последние десятилетия ведущими постимперские и постколониальные исследования предложили науке ряд терминов, которые используются и по отношению к бывшим империям и их колониям, и по отношению к постсоциалистическим/посткоммунистическим территориям. Правомерно ли это? Если СССР создавался как раз как проект постколониальной федерации и *пролетарское мессианство* стало частью сознания общества *центра*⁴³, то терминология постимперских исследований вроде не особо подходит, но здесь вспоминается процесс образования СССР, точнее, кровавая роль 11-й Красной армии и советизация закавказских республик: Азербайджан — 1920 год, Армения — 1920 год, Грузия — 1921 год.

Смешение *положительных действий* и кровавых страниц, сложная иерархия взаимоотношений и избирательной привилегированности вынуждает некоторых исследователей оговариваться при обращении к терминологии постимперских исследований: империя, но особого типа, *положительного действия*; *колонизатор*, но сделавший и свой положительный вклад; *колонизованный*, но воспользовавшийся благами *империи больше самого колонизатора*. Не всегда основные категории постимперских исследований служат идеальным выбором (*свой/чужой, господство/насилие, инаковость, колонизатор/колонизованный, Запад — Восток, мировой Север как колонизатор или мировой Юг как колонизованный, гибридность, in-betweenness (Bhabha), контактная зона*)⁴⁴, но пока ограничиваемся указанными. Они остаются актуальными в силу вырабатывающихся, но неизвученных новых. Саидовский

41 Русский театр в Тифлисе, позже он будет называться Тбилисский государственный драматический театр им. А.С. Грибоедова, открылся в 1845 году, а с 1898 года началось строительство театра Артистического общества, которое переедет в здание в 1901 году и впоследствии будет называться Тбилисский государственный академический театр им. Шота Руставели. В 1851 году в Тифлисе при здании караван-сарая открылся театр оперы и балет, но после пожара, который там произошел, здание театра восстановлено не было, но было построено новое — известное теперь как здание Тбилисского государственного театра оперы и балета им. Закария Палиашвили.

42 Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

43 Ср.: «Один из любимых риторических приемов советской пропаганды заключался в противопоставлении себя Российской империи» (Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 76).

44 Пономарев Е. Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 355—377.

Восток (из книги «Ориентализм», 1978) схематичен для советского *Востока*, включающего в себя Азию и Кавказ. К тому же Россия расценивается и как *Восток* по отношению к Европе, и как *Запад* по отношению к Азии и Кавказу. Кроме того, *власть* (Фуко), как определяющая категория имперскости — *господства и подчинения*, — не была в СССР одновекторной. Не всегда только *центр* (Москва) определял правила взаимоотношений с советскими республиками. Элиты республик имели значительное влияние и часто не попадали под определение *непросвещенный Восток*. Например, в книге «Свои чужаки. Грузинская диаспора и эволюция Советской империи» (2019) Эрика Скотта анализируется значение и влияние грузинской советской элиты и грузинской диаспоры в целом. Если обратиться к современной литературе, то и здесь оспаривается дихотомия *колонизатор — колонизованный*. Андрей Битов в своей «Империи в четырех измерениях» выстраивает образ *русского имперского человека*⁴⁵ как несчастного интеллигента, ностальгирующего по величию русской литературы, пропитанного социофобиями из-за советской власти и иронизирующего по поводу своего «имперского величия». А если обратиться к *колонизованному* на бывшем советском пространстве, то он обладает такой силой сопротивления, самопознания и осознанности, что мало похож на непросвещенного и подавленного *центром*. Пример тому — роман Отара Челадзе «Годори» (2003). Книги, схожей по силе критики своего же народа (грузин) и его же мимикрии под советскую власть, сложно найти, но некоторые литераторы увидели только одну сторону и посчитали произведение антироссийским. Например, Лев Аннинский в статье «Капсулированный дух» (2004) отразил свое разочарование в определении образа России в романе как чудовища⁴⁶.

Литературы разных империй и их колоний всегда оригинальны. Российская империя внесла свой вклад в культуру, например, каждой закавказской республики, но она не принесла туда письменность и литературу. Грузинская и армянская письменности и литературы древнее русской. Между писателями и общественными деятелями *метрополи* и *периферии* велось активное общение единомышленников. В переписке грузинских шестидесятников XIX века (Ильи Чавчавадзе, Акаки Церетели, Нико Николадзе) с русскими шестидесятниками (Н. Чернышевским и его сподвижники) звучат единые, схожие демократическо-революционные идеи, направленные на обсуждение свержения самодержавия. В обеих литературах есть образы *колонизатора/колонизованного* и тема завоевания земель, но, например, в отличие от литературы Великобритании, в русской литературе о Кавказе не звучат тема поиска сокровищ и тема примитивного общества. Теме *приключений колонизатора* в загадочной и богатой ресурсами земле можно *противопоставить тему душевного рая*, центральную в поэмах русской литературы XIX века. Романтическое восприятие не пересекается с материальной выгодой в данном ракурсе. Кроме того, очень важно отметить, что литература *колонизованного*, а я обращусь к грузинской литературе, писалась только на грузинском языке. Это было принципиально важным шагом для сохранения национальной идентичности и национального языка. Грузинские писатели не писали художественные произведения на русском. Их тексты переводились с грузинского на русский.

45 Битов А. Империя в четырех измерениях. Измерение III. Путешествие из России. СПб.: Амфора, 2009. С. 362.

46 Аннинский Л. Капсулированный дух // Родина. 2004. № 11. С. 5—10.

Это еще одно отличие от англоязычных литератур бывших колоний Великобритании. Судить о степени характера *имперскости* в литературе Российской империи и Великобритании сложно. Каждая обладает схожими и некоторыми отличительными чертами, но эти рассуждения заслуживают отдельного разговора.

После Российской империи складывается забавная ситуация, которую можно было бы обозначить словами перифразированного известного выражения: «Империя умерла, да здравствует Империя!» Появляется Советский Союз — особая форма империи — и *империя литературы* в виде литературы СССР, включающей в себя тексты на более чем восьми десятках языков. Случившаяся метаморфоза породила огромную индустрию (тексты, переводы, литературные сообщества и союзы писателей). Несмотря на политику коренизации, начатую в СССР в 1920-е годы, целью развития которой было в том числе развитие языков и письменностей малых народов, русский язык стал играть роль проводника в *большую* литературу и к широкому читателю. Если говорить о каноне русскоязычной литературы в СССР, то после перерождения империи представители русской литературы продолжили определять развитие национальных литератур малых народов, пишущих на русском или переведшихся на него. А советские писатели, пишущие на национальных языках, мимикрируя, лавировали между двух установок: придерживаться требований и веяний официальных властей, тем самым получать возможность быть опубликованными, или говорить на языке Эзопа, стремясь тем самым сохранить свободу высказывания, закрываясь при этом непонятным чужим, национальным языком (например, книги Чабуа Амiredжиби или Отара Чиладзе).

Ирина Шевеленко (*Висконсинский университет в Мэдисоне, США*)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Смысл, который вкладывается в слово «имперский» применительно к искусству, зависит от контекста. Сегодня у этого слова очень сильный оценочный шлейф, который мешает им пользоваться как аналитическим инструментом. Часто, на мой вкус, его использование просто тавтологично, то есть оно педалирует очевидное — например, то, что литературный текст транслирует ценности империи как единого полического пространства и/или прославляет мудрость ее правителей. В этом смысле империя — это лишь подвид государства, идентификация с которым, будучи выражена в литературном тексте, может программировать идентификацию с государством у читателей. Таков же механизм формирования идентификации с нацией, национальным государством, классом, расой и т.д., когда в нем участвует искусство. Может ли читатель сопротивляться такой ценностной рамке? Да, читатель может сопротивляться, и чем дальше он от текста хронологически или культурно, тем спонтанней возникает такое сопротивление. Всегда ли эта рамка так уж однозначна? Нет, транслируемые искусством ценности империи сплошь и рядом обременены оговорками и даже прямой проблематизацией этих ценностей. Это тоже,

в принципе, похоже на способ работы современного искусства с любимыми ценностями: они никогда не абсолютны, о них и пишут часто для того, чтобы транслировать напряжение между ценностью как принципом и ее человеческим измерением: браки распадаются, долги не отдаются, обещания нарушаются, а Евгений в «Медном всаднике» внезапно опознает в «строителе чудотворном» (то есть в Петре I как демиурге) и его творении (империи) виновников своего несчастья. И именно этим напряжением и живет текст и мы, его читатели.

Но тут следует усложнить картину. Империя применительно к российской культурной ситуации включает в себя, по крайней мере, две долговременные константы: абсолютистскую форму правления и огромное разнообразие этноконфессиональных сообществ, имеющих представление о собственной территориальности, которые постепенно, в течение нескольких веков, инкорпорировались в Российскую империю, частично смешивались с русским населением, нередко переходили на русский язык (как второй или даже первый) и фактически включались в русский культурный проект. «Имперскость», которую сегодня вменяют русской литературе (выступающей как *pars pro toto* русской культуры), больше связана именно с этими двумя обстоятельствами. Абсолютизм как политическая рамка империи был одним из способов справиться с имперским разнообразием, при котором разные территории управлялись по-разному, но все решения на этот счет принимались очень узким кругом лиц. Гигантское зияние между разнообразием страны и узостью круга людей, допущенных к принятию административных и политических решений, могло бы быть заполнено какой-то формой представительной демократии, но долгое время даже попыток таких не делалось. Русская литература, будучи доминирующей на пространстве империи и с определенного времени, примерно с 1840-х годов, формирующая мощное критическое течение по отношению к политическим реалиям российской жизни и государственности, была безусловно «отформатирована» описанной ситуацией. Чтобы состязаться с государством за умы образованной прослойки (и даже чтобы государство поддерживать), она присваивала себе право репрезентации всего и вся в империи столь же безусловно, как делал это политический режим, с которым она делила общее социокультурное пространство.

Собственно, это и можно назвать основанием «имперскости» русской литературы в чистом виде, и тут дело не в отдельных авторах, произведениях или темах, а в уверенности, что русская культура, будучи русской, одновременно репрезентирует всю империю (двусмысленность слова «репрезентация», как политического и эстетического понятия, тут как нельзя кстати). Это по умолчанию маргинализировало голоса ее других народов. Это же поставило русскую культуру в ряд наиболее заметных европейских культур к концу XIX — началу XX века. Русский (советский) XX век многое в этой конфигурации обстоятельств изменил, и эти изменения были разнонаправленными. Мне трудно сейчас оценить плодотворность приложения категории «имперскости» к литературе, написанной по-русски между 1920-м и 1990-м годами в целом.

Разумеется, есть и куда более узкое значение «имперскости» — например, когда мы читаем зарисовки нравов народов империи в текстах русских авторов. В них смешиваются в разных пропорциях и представление о цивилизационном превосходстве, и экзотизация другого (но иногда и себя), и национализм, и расизм, но такой тип зрения вообще характерен до определенного

периода для западных литератур Нового времени, и русская литература на этом фоне не слишком выделяется.

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем — помешать изучению литературы и ее прошлого?

Категориальный аппарат исследований империй в своем современном изводе неразрывно связан с категориальным аппаратом исследований наций и национализмов. Мне приходилось пользоваться обеими в своей книге «Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России» (2017). Их использование помогает, например, анализировать импульсы, которые задаются ситуацией империи и которые формируют поле культуры — в том числе и за счет того, что вызывают сопротивление.

В случае России важно при этом не забывать культурную специфику имперского периода в его отношении к национализму (русскому). Империя оформляется одновременно с началом вестернизации, которая обесценивает на какое-то время «национальные традиции», то есть допетровскую культуру. Это делает идентификацию с империей для нарождающейся новой западной русской культуры куда более прочной, чем категориальный аппарат имперских исследований может нам объяснить: какое-то время новой русской культуре просто больше не к чему себя привязывать. Однако постепенно происходит размывание этого симбиоза и начинается состязание литературы (а позже искусств) с имперской идеологией — за власть над умами. И тут опять-таки важно, как имперские институты устроены, потому что тогда есть возможность объяснить алгоритм успешного состязания.

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Я коснулась этого вопроса выше, в ответе на первый вопрос. Именно комбинация абсолютистского режима и имперского разнообразия, двух главных демаркаторов российского политического пространства, задают для русской литературы матрицу «имперскости» определенного типа.

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Прежде всего, как я отметила в ответе на первый вопрос, русская литература вытесняла на обочину другие, нерусскоязычные литературные голоса в империи. Одним из вариантов для них поэтому становился переход на русский язык.

Что касается складывания русского литературного канона в XIX веке, то тут отделить влияние империи от множества других факторов не так просто. Пожалуй, одна сторона русского литературного канона, которая кажется специфическим образом связанной с описанными выше особенностями Российской империи, — это его предельная иерархичность. Говоря образно, это по-

стоянный урок письма в столбик, а не в строчку. «Абсолютизм» безусловно торжествует над разнообразием в каноне XIX века.

Это, кажется, начинает меняться в первые десятилетия XX века, но затем происходит резкий слом: русских культурных пространств становится больше, чем одно. Сначала основное разделение проходит по линии СССР/эмиграция, но во второй половине XX века к этому добавляется, внутри СССР, разделение на «официальную» (публикуемую в СССР) и «неофициальную» (самиздатовскую) литературу. После 1991 года возникают новые русскоязычные литературные сообщества в странах бывшего СССР. Таким образом, отвечая на последний вопрос, можно сказать, что уже целый век русская литература живет в ситуации, которая не укладывается в прежнюю матрицу имперского существования. Институционально значительная ее часть русской литературы сегодня полностью отделена от государства, Российского или иного. «Имперскость» остается одной из ее традиций — по выбору, а не по обстоятельствам времени и места.

Михаил Ямпольский (*Нью-Йоркский университет*)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Кроме тех редких случаев, когда малые и колонизованные народы описываются как не совсем полноценные, хотя бы в культурном плане, я не вижу возможности говорить о произведениях искусства как об имперских. Другое дело культура, созданная на определенном языке и подавляющая проявление других культур. Культура в этом смысле может быть имперской. Но в реальности русская культура была прежде всего носителем химеры *нации* как некоего культурного единства.

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем — помешать изучению литературы и ее прошлого?

К сожалению, сегодня исследования имперскости в основном воспроизводят модель, разработанную американскими постколониальными исследованиями. Эти исследования мне не кажутся адекватными для анализа российской ситуации. Приведу мнение такого авторитетного исследователя, как Андреас Каппелер, с которым я полностью согласен:

Поскольку развивавшаяся в Западной Европе модель колониализма не может быть просто перенесена в Россию, постольку и такие понятия, как «колония», «колониальная зависимость» и т.д., не могут использоваться без детального и точного анализа соответствующей ситуации. Характерное прежде всего для американских исследований сплошное и огульное перенесение понятий «колониализм» и «империализм» на Россию и на Советский Союз более запутывает, чем разъясняет суть дела⁴⁷.

47 Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 12.

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй? Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Проблема России в XIX веке в том, что, в отличие от Великобритании или Франции, она не была нацией, а потому не могла вступать в отношения метрополии — колонии с контролируемыми ей народами. Идея нации была позаимствована во Франции, в том числе и крайними консерваторами вроде Шишкова, люто ненавидевшими Францию и французскую революцию. В конце XIX века только 43 процента россиян принадлежали русской народности, в остальном Россия была невнятным конгломератом этносов, культур и религий. Русская культура, однако, этого не замечала и мыслила Россию как относительно однородную страну, которую она придумала. Историки писали об истории России как некоего единства, а писатели создавали национальную литературу, которая была призвана представить Россию как единую нацию, которой она не была. Не была она и империей в классическом смысле, так как не признавала чужеродности иных народов (колониальных), но так до конца и не смогла стать нацией, несмотря на старания своей культуры. Россия, на мой взгляд, была прежде всего *абсолютистским государством*, что отличало ее, например, от империи монголов, но и от Османской империи или империи Габсбургов. Вот, как мне кажется, та ситуация, с которой следует разбираться.